

УДК 811.161.1

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДА И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.Г. Николаева

Аннотация

Статья посвящена основным переводческим приемам древнеславянских книжников – переводческим дублетам, лексическим и словообразовательным вариантам. Впервые эти явления рассматриваются в диахронии определенного типа текста и в проекции на становление парадигматических отношений лексико-семантической системы русского литературного языка и на формирование его стилистической системы.

1. Основные лексические особенности переводных древнеславянских памятников

По удачному выражению немецкого слависта Э. Ханзак, средневековый «перевод был философской работой в форме анализа текста и интерпретации» [1, с. 19]. Это определение переводческой работы релевантно для всех периодов развития языка богословских памятников. Наиболее наглядным ее выражением становились дублетные, или формульные, сочетания, лексическая вариантность и словообразовательная синонимия (в традиционной для исторической лингвистики терминологии). Эти три явления обычно рассматривают в отрыве друг от друга, но они имеют как один общий исток (в связи с целями и задачами переводчика), одну сущность (особенности и развитие мышления), одну теоретическую базу (в связи со средневековой переводческой концепцией, уходящей корнями в неоплатоническую философию), так и общий результат – развитие парадигматических отношений в языке (прежде всего, лексической синонимии), сложение терминосистемы языка и, наконец, сложение стилей литературного языка. В настоящей статье мы на примере одновременных переводов двух памятников – «Богословия» Иоанна Дамаскина и корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита – проследим взаимосвязь этих явлений в диахронии.

1.1. Переводческие дублеты и их трансформации. Сущность переводческих дублетов в переводных памятниках раскрыл в ряде своих работ Э. Ханзак [1, 2 и др.]. В отечественной славистике этой проблемой занималась М.И. Чернышева [3]. Оба исследователя изучали дублеты на материале переводов Иоанна экзарха Болгарского, который широко использовал данный способ перевода в своих трудах и, возможно, явился основателем соответствующего направления в славянской переводческой традиции, о чем свидетельствует знаменитый

Пролог экзарха Иоанна (предположительно к его переводу «Богословия»), пользовавшийся большим авторитетом у славянских книжников. Переводческие дублеты, по мысли Ханзака, не имеют ничего общего с синонимией, так как оба слова в парном сочетании абсолютно равнозначны, и не могут рассматриваться как варианты, поскольку создаются не как средства преодоления единообразия в выражении мысли, а как проявления разных переводческих принципов – буквального (*verbum de verbo*) и смыслового (*sensus de senso*) [2, с. 38–39].

Иоанн экзарх действительно широко использовал дублеты в своих переводах, но не во всех. Обычно это явление рассматривают на примере его «Шестоднева». В «Богословии» же, видимо в силу содержательной специфики памятника, переводческих дублетов значительно меньше, данный способ перевода не является здесь ведущим, тем не менее на некоторых примерах можно продемонстрировать функционирование этого явления (здесь и далее цит. по изданию [4]):

все збо њеже њсть пре[̄]дано намъ законъмъ и прр[̄]кзи и апл[̄]зи и евангелистзи приемлемъ и вѣмъ и чѣтемъ и лювимъ (16а–б): греческое σέβομεν ‘уважаем, почитаем, благоговеем’ передается дублетным сочетанием чѣтемъ и лювимъ, в котором первая лексема представляет собой перевод «дословный», буквальный, а вторая – смысловой эквивалент.

къ боу слоужьбою и жадание хотѣнье сѣказаѣ (104b): греческое ἔφεσιν ‘стремление’ экзарх переводит как жадание хотѣнье, хотя Л. Садник и склонна видеть здесь не дублеты, а варианты [4, II, с. 7]; основанием двойного перевода в этом случае могла послужить контаминация греческих близких по звучанию ἔφεσις и ἐθέλω ‘хочу, желаю’.

овзгда же њеже въ нашемъ чювьствѣ зло и болѣзньно, рекъше скръви и печали и напастн (316а–б): сочетание скръви и печали является эквивалентом греческого θλίψεῖς ‘мучения, горе’.

Дублетные переводы, представлявшие собой формульное сочетание двух слов, не были принципиально новым явлением на славянской почве. Они фактически продолжают традицию парных сочетаний, известную многим древним литературам (например, библейским текстам), в том числе и древней славянской поэзии. А.А. Потехня писал об эпических формулах, что «цель этих выражений – восстановление для сознания внутренней формы» [5, с. 198], то есть образа, стоящего за этим сочетанием слов. То же справедливо и для книжных формул переводных текстов, если учесть, что восстанавливаемым образом, или «внутренней формой», было слово оригинала. Формула, или синтагма, становится основным организующим элементом средневекового текста [6]. В.В. Колесов называет такой принцип организации языка и текста «ментализацией» – в нем отражается определенный этап отношений языка и мышления: в формульных сочетаниях проявляется процесс насыщения объема понятия, которое и существовало как образ, стоящий за этими сочетаниями.

В дальнейшем, сохраняясь с формальной точки зрения, дублеты изменяются по сути, и это связано в первую очередь с изменениями в мышлении. Ханзак

склонен причислять к переводческим дублетам и те случаи, когда два слова соединены (разделены? – *Н.Н.*) пояснительными конструкциями типа *иже сътъ, рекъше, иже са речетъ* и т. п. [2, с. 39]. Нам представляется, что такие случаи перевода следует отделить от сочетаний с соединительным союзом, поскольку они свидетельствуют о нюансах в движении мысли переводчика. Парное сочетание – порождение синкретичного мышления; когда переводчик дает греческому слову эквивалент в виде формулы, он подразумевает, что эта формула как нечто единое передает образ, рождаемый в его сознании греческим словом. Если же переводчик использует пояснительные конструкции, то, несмотря на отождествление им предлагаемых слов по смыслу, он фактически предоставляет некий выбор, то есть в этом случае греческое слово в принципе может соответствовать одному славянскому, только в данный момент не решено, какому именно из двух предложенных нужно отдать предпочтение. Синкретизм мышления отходит на второй план, и это находит свое отражение в языке. В самом деле, если мы сравним приведенные выше дублетные сочетания со следующими примерами из перевода «Богословия», то разница станет очевидной: *г̃л̃ють же б̃и зодни еже соч̃тъ животи (ζώδια) з̃в̃ъздами сълежими на н̃бси (137b)*; и почитание б̃ж̃т̃в̃ьнаго писаниа в̃сю с̃д̃мицоу рекъше нед̃в̃лю (ἐβδόμη) (322a) и т. п.

Кроме того, такие случаи перевода имеют формальное и функциональное сходство с явлениями экспликации (Верещагин), когда пояснение строится на выявлении скрытого смысла текста оригинала, например: *п̃р̃вое оч̃во вод̃ъ повел̃ъ б̃ъ из̃вести д̃ш̃ю живоч̃, им̃же в̃з̃ити хоташе водою и иже в̃з̃ начал поношааше са по водам̃ъ ст̃г̃им̃ъ д̃х̃ом̃ъ поновление ч̃л̃вкоу, иже есть кр̃щ̃ение (154a–b)*. Последняя синтагма не имеет соответствия в греческом тексте – экзарх таким образом поясняет (эксплицирует), что понимается под обновлением человека, а именно – крещение.

Отличие экспликации от переводов с пояснительными конструкциями достаточно явно, но и те и другие появляются, видимо, в связи с установкой переводчика раскрыть подлинный смысл того, о чем он говорит, не важно, касается ли это одного слова (например, *зодии*) или целого пассажа, как в последнем примере. Таким образом, любые пояснительные вставки текста **функционально** отграничиваются от переводческих дублетов.

Процесс перехода от парных сочетаний к пояснительным вставкам (наряду с описанными в литературе превращением эквиолентных оппозиций в градуальные, гиперонимизацией, расширением бинарных сочетаний) разрушает формулы изнутри. Формально же прием дублетного перевода входит в славянскую переводческую традицию, так что и в более поздних памятниках переводной книжности мы встречаем двойные эквиваленты одной греческой лексеме, хотя уже относительно реже. Так, в переводе Ареопagitик (XIV в., здесь и далее цит. по изданию [7]) обнаруживаются следующие примеры: **подражательств̃и и ꙗподоблен̃и** (126в) как эквивалент греческого ἀπὸ μιμνήσκου ‘отголо-

сок, отзвук'; **властеле и начялници** (213в) как эквивалент греческого ἄρχοντες 'властители'; **жен'скы и славы** (249в) как эквивалент греческого θηλυδρίαί 'женоподобные'; **күмиры и образы** (251а) как эквивалент греческого ἀνδριάντας 'изваяния'; **отвер'женіи и истязаніи** (314г) как эквивалент греческого ἀνάπτουξιν 'объяснении, раскрытии' и многие другие.

Преобладают же в славянских Ареопагитиках переводы с пояснительными конструкциями, которые уже часто не ограничиваются одним словом, разъясняющим смысл первого переводческого варианта, а расширяются до развернутых комментариев. Например (комментарии переводчика заключены в квадратные скобки):

Съи мы пріемлюще святыхъ священ'ноначальствъ чинъ, глаголемъ тако всяко небесныхъ чумовъ именованіе. [Инако: Пріемлюще глаголетъ, рек'ше, любяще или о семъ чусердствующе] (135б–в);

і таже вогод'ѣйствъ чюдожьственая словеса, тако первая и о Бозѣ суща, навыцають отъ самого служ'боначаліа превысочайше священ'ноначальствүема. [Сир'ѣчь, тайнѣ чнимая] (137г);

вет'хо во и древне солнце глаголаху, такоже въ комодіи речеся, [рекше, в ругателехъ] (193г);

они же, такоже нѣкыя күмиры и образы творяху, ниже рукъ, ниже ногу имущихъ, их'же Ёрмасть нарицаху, [сказүемо по нашемү языку домъ Божій] (251а) и многие подобные примеры.

Наконец, дублетные сочетания порождали, по всей видимости, все новые расширения уже на славянской почве, сначала до трехчленных сочетаний, затем до многочленных. Следует отметить, что этот переводческий прием сохранился в церковнославянской традиции до конца XVIII века, о чем свидетельствуют, в частности, список перевода «Богословия» Дамаскина XVI в. (РГБ, ф.98, № 612, лл. 86–218) и список перевода Ареопагитик XVIII в. (РГБ, ф.178, № 1345). Для иллюстрации такого расширения текста приведем типичные примеры из этих двух списков.

«Богословие», XVI в. (примеры даются по изданию [4]): εὐεργετῶν καὶ παιδεύων – вл̑агод'ѣтъ и наказычѣтъ и стомлаетъ и казнѣи (в первом переводе – кажа, 213б–214а); διωκόμενοι, ἀκίκοι, θανατούμενοι – внемѣи, важеми в темницѣи, затворлаеми, мучимѣи, оуморлаемѣи (в первом переводе – гонимѣи, мучимѣи оумарлаемѣи, 236а); καὶ τὸ πυκνὸν τε καὶ τὸ μακρὸν, ἤγουν ἀραιὸν καὶ τὸ στρόγγυλον – и частое же и рѣдъзкоѣ и крѣтлоѣ и широкоѣ и долгое и краткое и облоѣ (в первом переводе – и частое же и рѣдъзкоѣ и обьлоѣ, 192а).

Ареопагитики, XVIII в.: νοητὰ καὶ νοερά – раз'умная, чумная, д(ч)шевная (99); καλὸν καὶ ἀγαθὸν – добраго или честнаго, или благаго (82об).

Следующим языковым выражением дискретности мысли после пояснительных конструкций стала лексическая вариантность.

1.2. Лексическая вариантность. Вариантность, или «флуктуация», как «внутренняя характеристика текста» (Верещагин) является одним из характерных явлений в древнеславянских переводных памятниках. Явление вариантности значительно шире, чем мена собственно лексических вариантов, но мы сконцентрируем наше внимание именно на последних.

На наш взгляд, требуется уточнение термина «вариантность» и отношения обозначаемого им явления к явлению синонимии. В научной литературе существует несколько подходов к лексической вариантности древних текстов. Так, Л.П. Жуковская называет лексическими вариантами «два или более слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника в параллельных местах текста» [8, с. 89]. Но для переводного памятника свойственно, что близкие по значению слова употребляются в пределах одного списка перевода как эквиваленты одного и того же греческого слова. Такую особенность текста М.И. Чернышева, И.В. Платонова и другие исследователи, изучавшие преимущественно переводные памятники, связывают с влиянием неоплатонической теории образа (кстати, унаследованной славянской культурой в первую очередь через труды Ареопагита и в его трактовке). Эта теория не мешает в принципе рассматривать такие варианты как синонимы (разные формы выражения одной идеи). Отождествление вариантов и синонимов встречается в исследованиях этой проблемы достаточно часто.

Невозможно, однако, отождествлять вариантность с синонимией с точки зрения функционирования вариантов в тексте, о чем писали еще Е.М. Верещагин и В.В. Колесов. Но вопрос не ограничивается функциональной стороной. Когда мы говорим о переводном тексте, игнорировать оригинал (в данном случае греческий) не приходится. Если даже, как справедливо предполагает Н.Г. Михайловская, замена одних лексем другими есть «проявление лексико-семантической вариантности, объективно существующей в русском языке древнего периода» [9, с. 4], то сам фактор перевода неизбежно вносит нюансы в явление лексической вариативности, поэтому целесообразно было бы выделить лексическую вариативность переводного памятника как самостоятельный феномен церковнославянского языка.

Отношения между лексическими вариантами Н.Г. Михайловская называет смысловой сопоставленностью, которая «и шире, и сложнее противоположности и тождества, выявляемых в семантической структуре лексем при сравнении лексикографических толкований» [10, с. 91]. О смысловой сопоставленности можно говорить лишь рассматривая слова в тексте (как минимум в формулах-синтагмах), так что «приращение смысла» происходит, как нам кажется, не только в столкновении прямого и переносного значения слова-символа в формуле, но и в столкновении нескольких слов-символов как части формул в тексте – на пересечении сложных взаимоотношений, существующих между значениями как одного слова, так и ряда близкозначных слов.

Исходя из всего вышесказанного и оставляя привычное нам название данного явления «вариант», предлагаем наше определение лексической вариативности переводного текста. **Лексическая вариативность переводного памятника** есть обоснованное неоплатонической теорией образа функционирование

в тексте данного памятника и его списков слов, употребляемых как эквиваленты одному и тому же греческому слову (или выражению) и находящихся в отношениях смысловой сопоставленности. При этом вариативность характеризуется следующими проявлениями:

1) лексическими вариантами могут быть объективно близкозначные слова. Для первого перевода «Богословия» это отмечаемый с самой ранней поры его научного изучения яркий пример варьирования в передаче греческого ἀρετή 'добродетель, превосходные качества, доблесть': **добръ изборъ, добротъ, изволение, добро, благовольтво, благодѣйство, благоволение, благодать**. В первом переводе Ареопагитик встречаются тоже достаточно обширные ряды подобного варьирования: греческое ἵδρυσις 'возведение, постройка; местонахождение' переводится в зависимости от контекста как **въглыбление, въдружание, съдѣние, утверждение**; греческое συμπάθεια 'симпатия, сочувствие' – как **състрада-ние, завѣщание, благосердие, милосердие** и т. п.;

2) лексическими вариантами могут быть однокорневые слова типа **животъ-жизнь-житие** (греч. ζωή), где семантическое перераспределение и окончательное обособление в будущем происходит среди близкородственных слов различного генезиса;

3) лексическими вариантами могут быть слова, семантические связи между которыми в отрыве от их соотносительности с греческим соответствием имеют самый широкий спектр от объективно близких до вообще трудно определяемых. Как пример можно привести обсуждавшийся в литературе феномен перевода Иоанном экзархом греческого слова πάθος как **страсть, врѣдъ, приятие** (а в других древнеславянских памятниках еще и как **мжа, недѣжъ, сласть**) [11].

Наконец, обычно выделяют еще так называемые «лексико-словообразовательные варианты» (Л.Г. Панин). Параллелизм их с собственно лексическими не оставляет сомнений. Однако мы не применяем эту типологию, поскольку нам кажется целесообразным разграничивать лексические и словообразовательные варианты на следующих основаниях: во-первых, лексические варианты призваны передавать нюансы значения, согласуясь с семантическим объемом греческого слова – словообразовательные варианты изначально являются поиском формы, в которой можно было бы передать уже закрепленное в корневой морфеме соответствие греческому слову; во-вторых, лексические варианты свидетельствуют о неустойчивости семантических отношений в языке – словообразовательные варианты говорят о незакрепленности словообразовательных значений за определенным словообразовательным типом; наконец, критерии отбора словообразовательного и лексического варианта в отдельно взятом контексте и их роль в тексте различны.

1.3. Словообразовательная вариантность. Мы сознательно отходим от принятого термина «словообразовательная синонимия», поскольку было бы неточно говорить о функционировании словообразовательных вариантов в ранних переводных текстах как о синонимии. Это именно вид вариативности, который, возможно, нагляднее всех других видов демонстрирует в тексте фи-

лософскую теорию о подобных и неподобных образах: переводчик ищет наиболее *подобное* оформление идеи, заключенной в оригинале. Словообразовательные варианты, в отличие от словообразовательных синонимов, не имеют нюансов в значении. На этапе, когда синкретизм мышления и, как следствие, семантический синкретизм в языке только начинали сдавать позиции, регулярные отношения между словообразовательными вариантами в тексте находились лишь в начале своего развития, поскольку не было еще установлено равновесия между словообразовательной формой и словообразовательным значением. Например, если имена нулевой суффиксации на том этапе могли все еще нерасчлененно обозначать как лицо, так и действие (или его результат), то невозможно говорить о словообразовательной синонимии имен нулевой суффиксации с именами на -(е)ние. Так, слово $\bar{\text{спс}}\bar{\text{з}}$ в первом переводе «Богословия» могло обозначать в одних случаях однозначно лицо (например: $\bar{\text{ельма}}$ во $\bar{\text{любз}}$ и $\bar{\text{хз}}$ $\bar{\text{драгз}}$ и $\bar{\text{домз}}$ и $\bar{\text{дрз}}$ и $\bar{\text{вдежда}}$, $\bar{\text{кольми}}$ $\bar{\text{паче}}$ $\bar{\text{гна}}$ и $\bar{\text{спса}}$ ($\bar{\text{σωτηρος}}$), $\bar{\text{имиже}}$ и $\bar{\text{спсаемз}}$ $\bar{\text{са}}$ – 254b), в других – действие или его результат (например: $\bar{\text{егоже}}$ $\bar{\text{взмз}}$ $\bar{\text{свци}}$ $\bar{\text{нвств}}$ $\bar{\text{спса}}$ ($\bar{\text{σωτηριος}}$) $\bar{\text{полоучити}}$ – 227a). Однако есть случаи, когда только греческий оригинал позволяет понять, идет ли речь о спасителе или о спасении, поскольку в таких фрагментах слово $\bar{\text{спс}}\bar{\text{з}}$ сохраняет изначальный синкретизм, например: $\bar{\text{того}}$ $\bar{\text{ради}}$ $\bar{\text{иис}}$ $\bar{\text{спсз}}$ ($\bar{\text{σωτηρ}}$) $\bar{\text{са}}$ $\bar{\text{сказасть}}$ (228a). А в следующем фрагменте, изобилующем именами абстрактными для обозначения святого креста, кроме синкретичного $\bar{\text{спс}}\bar{\text{з}}$ (соответствующего греческому $\bar{\text{σωτηριος}}$) употребляется похожее образование $\bar{\text{вождь}}$ (в греческом $\bar{\text{nomen abstractum}}$ – $\bar{\text{χειραγωγία}}$), а также имя со значением действующего лица $\bar{\text{гоубитель}}$ на месте очередного греческого абстрактного $\bar{\text{ἀνοίρεσις}}$ ‘уничтожение’, так что однозначно определить словообразовательное значение некоторых имен в этом контексте невозможно: $\bar{\text{сз}}$ $\bar{\text{лежацихз}}$ $\bar{\text{взстание}}$, $\bar{\text{стояцихз}}$ $\bar{\text{оутвърда}}$, $\bar{\text{немоцнзихз}}$ $\bar{\text{жззлз}}$, $\bar{\text{пасомзихз}}$ $\bar{\text{палица}}$, $\bar{\text{оврацаюцихз}}$ $\bar{\text{са}}$ $\bar{\text{вождь}}$, $\bar{\text{поспвваюциимз}}$ $\bar{\text{сзвршение}}$, $\bar{\text{дши}}$ $\bar{\text{спсз}}$ и $\bar{\text{плзти}}$, $\bar{\text{всен}}$ $\bar{\text{ззли}}$ $\bar{\text{взздаразз}}$, $\bar{\text{всего}}$ $\bar{\text{добра}}$ $\bar{\text{даввць}}$, $\bar{\text{грбхоч}}$ $\bar{\text{гоубитель}}$, $\bar{\text{садз}}$ $\bar{\text{взскрбшению}}$, $\bar{\text{древо}}$ $\bar{\text{жизны}}$ $\bar{\text{въчьнаго}}$ (253a–b). В переводе «Богословия» встречаются также слова $\bar{\text{спасение}}$ и $\bar{\text{спаситель}}$, что свидетельствует о дальнейшем распаде синкретизма: эти имена призваны внести ясность и отграничить обозначение действия от обозначения носителя этого действия, разнести эти значения по разным словообразовательным типам. Но говорить о словах $\bar{\text{спсз}}$ и $\bar{\text{спасение}}$, $\bar{\text{спсз}}$ и $\bar{\text{спаситель}}$ как о парах словообразовательных синонимов на тот период языкового развития еще невозможно.

Словообразовательные варианты в первом переводе «Богословия» часто соседствуют в одном контексте и поддерживаются также лексической вариантно-стью. Показательным примером подобного построения переводного текста

являются, например, следующие фрагменты, где для передачи греческих слов употребляются как лексические, так и словообразовательные варианты:

γάμος ‘брак’ – бракъ, женитво, женитва, жененіе:

Добро же и дѣтородѣство еже бракъ съставляеть и добро женитво блочда ради, се прерѣздаа и неистовѣствоу желаниа законнзимь сзмѣзмь не оставляа въ безаконнаа дѣла бѣсовати сѧ. Добро женитва имьже нѣсть въздръжаниа. боле чистота, дши дѣтородѣства растащи и боѡ плодъ зрѣлъ млтвоу прикоснащи. чьстьно жененіе и ложе несквѣрнѧво. блочднзимъ же и любодѣемъ соудити въ (336b – 337a).

ἀνάστασις ‘воскресение’ – възскръсение, възстание, възстанъ:

въроуемъ же и възскръсению мзртвзихъ. боудеть бо по истинѣ боудеть мьртвзимъ възстание. възскръсение възскръсение же глѡще плзтии рѣхомъ възстанъ (343a).

Различия в значении и употреблении между словами в парах жененіе и женитво, възстанъ и възстаніе, начало и начатъкъ и многих подобных изначально не существует. С появлением различия появляется и синонимия. Это можно наблюдать уже на примере перевода Ареопагитик XIV века, где употребление словообразовательных вариантов следует некоторым закономерностям. Вкратце факторы, определяющие употребление того или иного словообразовательного синонима, можно описать как:

1) фактор маркированности производящей основы. Так, например, в парах словообразовательных синонимов на **-ѣство/-ѣствие** предпочтение суффиксу **-ѣствие** отдается в том случае, если уже производящей основой задается предназначенность к обозначению явлений и сущностей высшего уровня. Так, имена **богодѣйствіе, богоименьствіе, пресѣществіе, съдѣтельствіе, царьствіе** употребляются, по нашим наблюдениям, чаще их параллелей с суффиксом **-ѣство**. И наоборот, слова с нейтральной производящей основой обыкновенно оформляются суффиксом **-ѣство**: **единѣство, имѣство, прикладѣство, тождѣство, равенѣство** и т. п.;

2) фактор эстетического текстопостроения. Например: **Отчѣствіа да разумѣются чинове, иже отъ вкупочиніа, рекше съвокупленіи другъ къ другу Херувимъ и Серафимъ, Начала, Власти; въ насъ же и дѣховная, тако сродная; и другъ друга имѣтелная, такоже явяеть и Моиси сродѣствіа** (166г) – имена на **-ѣствие** создают своеобразную рамочную конструкцию;

3) фактор содержательный. Например, противопоставление слов на **-ѣство** словам на **-ѣствие** в одном контексте отражает противопоставление реального и несуществующего, божественного и сотворенного: **и конецъ всякому концю сый... и бесконеченьство есть всякого безконеченьствіа** (234б); **како сътворити зло вещь отнудъ несѣщи дѣйствомъ, еже бо творити дѣйствіа есть?** (218в) и т. п.

Таким образом, за явлением словообразовательной вариативности/синонимии стоит напряженный творческий процесс поисков и экспериментов в области слова, который в результате создает предпосылки для экспериментов в области стилей.

2. Дальнейшее развитие переводческих традиций (XVII – XVIII вв.)

Переводческая традиция достаточно стабильна: может меняться ментальная и языковая подоплека каких-то методов, но сами приемы остаются те же. Изменения вырывают подспудно, и заметный качественный скачок происходит в XVII веке. Этот скачок связан, конечно, в первую очередь с переломным моментом в истории литературного языка в целом. В это время появляется ряд новых переводов уже известных произведений, в том числе и «Богословия» (перевод выполнен Епифанием Славинецким) и Ареопагитик (перевод выполнен Евфимием Чудовским).

Оба переводчика (Евфимий был учеником Епифания) принадлежали к группе «грекофилов» – книжников и просветителей, отстаивающих значение греческого языка и культуры для русского православия. Грекофильство проявлялось и в их переводческой деятельности: они стремились, чтобы греческий оригинал как можно явственнее просвечивал сквозь переводной текст. Федор Поликарпов говорил об одном переводе Епифания Славинецкого (то же можно сказать и о переводах его учеников), что он отличается «необыкновенною славянизмию, паче же эллинизмом, а за тем о них мнози недоумеают и отбегают». Кроме того, переводы как Епифания, так и – даже в большей степени – Евфимия отличают многочисленные исправления в тексте, сноски, глоссы, вынесенные на поля. Правки Епифания и Евфимия – предмет, достойный отдельного обсуждения. Нас же они интересуют в связи с судьбой переводческих приемов – дублетных переводов, лексической и словообразовательной вариантности.

Если обратиться к лексическим менам в переводах Епифания и Евфимия, то можно выделить два основных вида таких мен. К первому относятся пары «буквальный эквивалент – смысловой эквивалент», ко второму – варианты смысловых эквивалентов. Приведем некоторые примеры первого вида мен (первым идет буквальный соответствие, стрелка указывает направление текст > поле):

– из «Богословия» (текст перевода Епифания здесь и далее цит. по изданию [12]): παράκλητον, ὡς τὰς τῶν ὄλων παρακλήσεις δεχόμενον: **Параклѣтѣ, такъ всѣхъ параклѣтства прїемлющаго** > **молебника, тако всѣхъ моленїа прїемлющаго. или призватѣла такъ всѣхъ призыванїа прїемлющаго** (5об.), ἀναβολήν: **во(з)логъ < закоснѣніе** (7об.), διάπυρον: **разогньственное > горителное** (11об.), ἀφανισθήσονται: **бе(з)жествѣтса > погнѣнѣтъ** (13об.), νευρωθήναι: **вжнѣтисѣ > оукрѣпитисѣ** (26), λελουχευμένον: **копнїествованна < проведенонна** (45об.) и др.;

– из Ареопагитик: а) по списку ГИМ (Синод. собр. №55): ὄντως: **сущо > истинно** (11), ἀνομοίους: **неподобная > ѡличная** (13), ἀμύγη: **несмѣсное < чистое** (16), ἀρχοντες: **началнѣци < князи** (59), μυσταγωγεῖ: **тайноводитѣ < оучитѣ** (153), ἔκκριτα: **избранная < лучшая** (325); б) по списку БАН (Арханг.

сем. № 126): δόγμα: **догмѣ** < **преданіе** (15), ἀναβεβηκότων: **возходящихъ** < **возводящихъ** (17об.), περιπεπλεγμένης: **плетеннаго** > **неудовознаннаго** (49об.), ἀκόλαστος: **невоздержникъ** < **блѣдникъ** (261) и др.

Очевидно, что буквализм перевода проявляется либо в калькировании, либо в восстановлении внутренней формы греческого слова, либо в заимствовании. Очевидно также, что этот тип лексических мен представляет собой видоизменение приема переводческих дублетов. В чем же заключается и чем обусловлено это изменение? Важно понимать, что по сути в переводах грекофилов происходит все тот же поиск подобного образа – славянского эквивалента, наиболее точно передающего образ греческого слова. Подобие может заключаться при этом как в содержательной (смысловой перевод), так и в формальной (буквальный перевод) стороне. Так что теоретическое обоснование такого переводческого приема остается прежним. Меняется мышление: оно уже не воспринимает пару «буквальное соответствие – смысловое соответствие» как гендиадис, что имело место в ранних переводах; «и» меняется на «или», но окончательный выбор между вариантами не может состояться, так как цель не в нем, а в сохранении живой связи с текстом оригинала. Если в распоряжении читателя будет несколько переводов одного и того же греческого слова, то он быстрее в своем сознании восстановит это греческое слово. Меняется и форма представления вариантов – теперь они сосуществуют в системе «строка – поле», включающей надстрочные обозначения, сигнализирующие о возможности замены.

В другой группе мен влияние греческого текста не ощущается столь сильно, поскольку переводчики выбирают в качестве варианта близкозначное слово, воспринимаемое таковым вне посредства греческого текста. При этом надо учитывать, что в данном случае на слово можно посмотреть с двух позиций. Одна позиция – переводчика: предложенный им вариант, по его мнению, более соответствует слову греческого оригинала, но воспроизводит он его из словарного запаса языка, поэтому вторая позиция – с точки зрения языка (и исследователя) – освещает эти слова как языковые синонимы. Вот некоторые примеры:

– из «Богословия»: δύναμις: **мощь** > **сила** (многократно), ἔθνος: **языкъ** > **народъ** (многократно), συμπαρακτείνόμενον: **спростираемый** > **спротажаемый** (11), βρώσιν: **тди** > **снѣди** (17об.), πάλιν: **брань** > **ворбѣ** (26), ἔπλυε: **плакаше** > **мышше** (44об.), πλευρᾶς: **бокѡмъ** > **ребромъ** (49), ἀνθήρικας: **осты** > **лѣспы** (58) и др.;

– из Ареопагитик: а) по списку ГИМ: μυκητικῆς: **рыкателнаго** > **мичателнаго** (10), ἐγνωσμένας: **вѣдомымъ** > **знаннымъ** (42), ἀποτετολημμένων: **смѣтательными** > **дерзостными** (660), σοφίσματα: **притвореніе** > **пронырство** (662), ὑγρὰ: **влажная** > **мокрая** (681), μερίζεται: **частится** > **дѣлится** (301), βουλευτικῶς: **волителнѡ** > **хотителнѡ** (301), ἰσχνότης: **тонкость** > **хѣдость**, **сѣхость** (445) и др.; б) по списку БАН: ἐμφορηθεῖς: **наполнился** > **насытився** (41об.) – ср. ἀναπιπλαμένας: **насыщенная** > **наполненная** (47об.), ἀπορίας: **недоумѣнія** > **сомнѣнія** (70), δραστήριον: **силное** > **крѣпкое** (123), τερατεύονται: **кознствѣюще** > **лстяще** (159), βρωμάτων: **брашенъ** > **снѣдей** (164), δραττοίμενοι: **горстяще** > **хнщающе**, **емлюще**, **верѣще** (220об.), οἰχήσεται: **растлится** > **ищезнетъ**, **ѣмретъ**, **изгибае(т)** (271об.) и многие другие.

Глоссирование в Ареопагитиках XVII века часто совпадает с изначальными дублетными или поясняющими переводами, например:

греч.	Ареопагитики по ВМЧ	Ареопагитики в переводе Евфимия по списку БАН	
		строка	поле
ἀπήχημα	подражательствіи и ұподобленіи (126в)	подражаніи (28)	ра(з)глашеніи
ἀοχλησίας	несмущенія и тишины (160а)	несмущенія (93об.)	ве(з)матержства
τὸ ὑλακτικόν	лапателно, рекше врехателно (216г)	лаяте(а)ное (272)	вреха(телное)
θηλυδρία	жен'ски и слабы (249в)	женственны (327)	слабы
τὸ ἀπολαύειν	пріемати, или наслаждати (262б)	воспріемати (348об.)	наслаждатися
ἀνάπτωξις	(по) отверженіи и истязаніи (314г)	(по) ѿверзенію (367об.)	сказанію

Таким образом, лексическая вариантность текста в данный период поддерживается развивающимися в языке синонимическими отношениями, которые в свою очередь находятся во взаимодействии с формированием стилистической системы литературного языка.

В области словообразовательных мен чередуются в основном те словообразовательные формы, которые наиболее часто варьируются и в самом тексте. Так, для «Богословия» это варьирование типов -Ø/-(ε)ніе (размысль – ра(з)мышленіе (22), гажда – гажденіе (23об.), хвалы – хваленіа (28), вкѹсь – вкѹшеніе (33об.) и т. п.) и -(ε)ніе/-ьство (богознаменіемъ – богознаменствомъ (31об.), вбщеніемъ – вбществомъ (32об., 36), чѹжденіе – чѹжде(с)тво (34), дыравство – дыравленіе (52) и т. п.). В Ареопагитиках (на примере списка ГИМ) словообразовательных мен больше. Много случаев варьирования имен на -(ε)ніе/-ьство, как неавленіе > неавленство (162), достоиніе > достоинство (260), в(о)гоименіе > в(о)гоименство (317), единеніе > единство (291), неподобіе > неподобьство (75) и т. п. Встречаются случаи словообразовательной межспособной синонимии, например противоразноственное > противоразньствіе (310), некасаніе > некасанное (282), непостижное > непостиженія (306), отраженной синонимии, например благодѣйствителная > благодѣлателная (294), невѣдомость > невѣжность (60), ликованіе > ликоствованіе (62), вплюновенія > вплеванія (354).

Встречаются также примеры однокорневых замен, которые связаны не столько со структурой греческих соответствий, сколько с творческими поисками Евфимия в области стиля. Поиски эти он проводил часто игнорируя семантические различия между предлагаемыми им вариантами. В одних случаях переводчик стремится усложнить структуру слова, что, по-видимому, кажется ему стилистически более верным для данного типа текста. Тогда возникают такие замены, как: вбразными > вбразователны (2), таинственныя > таинствованныя (5), жителна > живителна (22), источателная > источествител-

ная (316) и т. п. Нередко, однако, поиски уведут Евфимия совершенно в другом направлении, и он правит высокий вариант вариантом обычным или сниженным (при этом он остается в рамках книжного стиля, но определенное упрощение все же наблюдается). Это касается некоторых примеров слов, в структуре которых исчезает префикс в связи с тем, что его нет в морфемном составе греческого соответствия, так **очищатися** меняется на **чищатися**, **просвѣщатися** – на **свѣщатися** и т. п.

Следует еще раз подчеркнуть важность лексических и словообразовательных правок в переводах XVII века. Бесконечное редактирование – так, как все это представлено в этих переводах, особенно у Евфимия Чудовского, – разрушает классический текст-образец. Внимание к конкретному слову вне его синтагматических связей нарушает функцию текста как образца. Из синкретичного единства «текст-жанр-стиль» окончательно отделяется стиль (стиль – прежде всего как отбор языковых средств и его результат). Переводчики школы Епифания Славинецкого еще не производят окончательный отбор, но уже предоставляют материал для такого отбора из уже имеющихся и еще только формирующихся в языке средств, активно включая в этот процесс собственное словообразование. Варианты, предлагаемые переводчиками, в основном различаются семантически, но есть начало и стилистической дифференциации, которая проявляется, например, в замене нулевых образований более свойственными книжному стилю именами на **-(є)ніє** у Епифания или в лексических менах типа **храмы > дома** (БАН, Арханг. сем. № 126, л. 75об.).

В XVIII веке появятся новые переводы как «Богословия», так и Ареопагитик. Те нередко противоречивые процессы, которые мы наблюдаем в переводах XVII века, повторяются и в XVIII веке, но будут свойственны не одному тексту, а своеобразно распределяться между разными вариантами перевода, не только объективно отражая индивидуальные предпочтения переводчиков, но и представляя пути развития церковнославянского языка. Так, в одном переводе Ареопагитик сохраняются основные приемы, известные со времен первых славянских переводов. О свойственных этому списку расширениях мы уже писали выше (пп. 1.1). Кроме расширений, переводчик использует и лексическую вариативность в форме глосс, обособляя их не на полях рукописи, а заключая в своеобразные скобки в ткани текста, например: **вонстиннѣ приличнѣишее и ѿдобнѣишее есть в вещехъ чѹвствѣ неподпадающихъ от неподобныхъ (: от отличныхъ :) образов произведенное изображение... (3об); которое имя в(о)жественныя оныхъ страсти (: или склонения :) изображаетъ (9об.); и в(о)жественныхъ дѣлъ разѹмородныя вины (: или разѹмтворящая :) (10об); к человеку благоволение (: благость :) (11) и многие подобные случаи, часть которых, кстати, не имеет эквивалента в традиционном греческом тексте. Другие переводчики, как, например, Паисий Величковский, который создал свои версии и «Богословия» (к сожалению, утерянного), и Ареопагитик, будут сознательно утяжелять текст, прежде всего за счет громоздких новообразований. Третьи, например Моисей (Гумилевский), переведший Ареопагитики, или архиепископ Московский Амвросий, создавший новую версию «Богословия», пойдут по пути нейтрализации искусственно созданных или разросшихся**

по структуре слов, которые еще Федор Поликарпов назвал «славянщиною». И в итоге все это отразится на судьбе церковнославянского языка, более традиционный вариант которого именно в силу своей оторванности от живых процессов литературного языка сильно сократит сферу своего функционирования, а в демократизированном и нейтральном варианте составит ипостась русского литературного языка нового времени.

3. Выводы

Наблюдения над тремя явлениями сходного генезиса в истории средневекового переводного текста позволяют сделать следующие выводы:

1. Переводческие дублиеты, лексические и словообразовательные варианты, характерные для организации древнеславянского текста, отражают поэтапное развитие мышления: с усилением дискретности мысли происходит раздвоение древних формул, воспринимавшихся в единстве образа, до лексических вариантов, представляющих разные стороны одной идеи. Все три явления могут сосуществовать в одном тексте: во-первых, смена парадигм мышления происходит не одновременно; во-вторых, дублетность или вариантность в той или иной форме становятся традиционным приемом славянской переводной книжности и остаются таковым, даже когда меняется их ментальная подоплека.

2. Вариантность переводного текста, являясь языковым выражением неоплатонической теории образа, не может быть не связана с греческим оригиналом. Связь эта неодинаково интенсивна на разных этапах языкового развития и неодинаково себя проявляет. С другой стороны, вариантность поддерживается лексико-семантическими и словообразовательными отношениями, существующими в языке объективно. Иными словами, вариантность как отношения синтагматические и синонимия как отношения парадигматические взаимосвязаны и обуславливают друг друга. По мысли Колесова, «письменные формы литературы развивались от текста к языку» [6, с. 278]. Вариантность текста способствовала развитию синонимических отношений в языке. Но наступил момент, когда парадигматические отношения стали оказывать влияние на синтагматику текста. Об этом свидетельствует определенный отрыв от греческого образца, увеличение количества предлагаемых вариантов и проявление в них особенностей, свойственных языку определенного периода (например, западнорусских и западнославянских заимствований в XVII веке и т. п.). В момент усиления влияния парадигматических отношений языка на текст происходит рождение стиля как самостоятельной категории – стиля для определенного текстостановления, но уже отделенного от него происходящими изменениями в системе «язык – текст».

3. Слово как феномен в истории литературного языка проходит через значительные изменения. В языке первых книжных памятников границы слова – и формальные, и содержательные – размыты, но постепенно уточняется объем понятия (в частности, в формулах-дублетах), затем его содержание (в частности, через лексические варианты), «утрачивается» его морфемный состав (в частности, через словообразовательную вариантность и синонимию), определяется грамматический статус и грамматическое оформление. Изменения слова определяют не только вид, но и цель вариантности на каждом их этапе: в первых

книжных памятниках, когда семантические и словообразовательные отношения в языке еще не развиты в нашем понимании, а точнее – имеют особый характер, вариантность является своего рода пробой разных языковых возможностей, воплощением языковых потенций; в XIV – XVI веках происходят попытки семантической и функциональной дистрибуции на достигнутом уровне развития лексической системы; для XVII века характерны два совершенно разных процесса – формальная дифференциация в соответствии с греческим оригиналом и нарастающее влияние парадигматических отношений языка на текст; наконец, в XVIII – XIX веках происходит новая апробация языковых возможностей на основе сложившихся лексико-семантических отношений. Этот виток спирали языкового развития заставляет вспомнить слова А.А. Потебни о том, что «так как количество признаков в каждом кругу восприятий неисчерпаемо, то и понятие никогда не может стать замкнутым целым» [5, с. 194], а стало быть, переводческие приемы, разработанные в течение последнего тысячелетия, будут помогать и нынешним переводчикам решать уже известные задачи.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ молодым ученым-кандидатам наук МК-3768.2007.6.

Summary

N.G. Nikolaeva. The Old-Slavonic Translating Traditions and Their Role in the Development of Lexical-Semantic System of the Russian Language.

The paper concerns the problem of basic translation techniques in the Old-Slavonic – translational doublets, lexical and word-formation variations. It is the first to study the problem in the diachrony of a definite text type and in the aspect of paradigm relations development in the lexical-semantic system of the Russian literary language and its stylistic system formation.

Литература

1. *Hansack E.* Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. – 1981. – Bd. XXVI, H. 1. – S. 15–36.
2. *Hansack E.* Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Palaeobulgarica. – 1977. – Bd. 1, H. 3. – S. 33–59.
3. *Чернышева М.И.* Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1994. – 447 с.
4. *Des Hl. Johannes von Damaskus* "Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd. / Hrsg. von L. Sadnik. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br.: U.W. Weiher, 1967–1983 (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. T. V).
5. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
6. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
7. Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археограф. ком. под ред. С. Палаузова – М.; СПб., 1870. – Т. 3. – С. 263–788.
8. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

9. Михайловская Н.Г. Синонимия как выражение лексико-семантической вариативности (по древнерусским спискам Хроники Георгия Амартола) // Древнерусский язык: Лексикология и словообразование. – М.: Наука, 1975. – С. 3–24.
10. Михайловская Н.Г. О реализации значения слова в древнерусском тексте // Вопр. языкознания. – 1974. – № 5. – С. 87–95.
11. Sadnik L. Zur Wiedergabe von *πάθος* und ihm verwandter Wörter in den ältesten slavischen Denkmälern // Zeitschrift für slavische Philologie. – 1962. – Bd. 30, H. 2. – S. 242–249.
12. Сборник переводов Епифания Славинецкого. – М.: Печатный двор, 1665. – 410 л.

Поступила в редакцию
23.10.07

Николаева Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета.
E-mail: Natalia.Nikolaeva@ksu.ru